

Пролог

...Я слышал, это место у вас нечистое.

Иван Тургенев. Бежин луг

Старенький «Икарус», напрягая мотор, из последних сил преодолевал подъем на крутой холм. В кабине водителя играло радио. Но никто из пассажиров его не слушал. Салон был почти пуст — рейс был дневной, к тому же не столичный, а ясногорский. В июне в разгар сенокоса среди местных жителей ажиотажа на этот рейс не наблюдалось.

— Слышь, пацан, ты там заснул, что ли? Тебе выходить. Сейчас Борщовка как раз будет, только с холма спустимся. Слышь, нет? Уши-то открой, ишь законопатил... Я ведь с тобой разговариваю. Тебя кто в Борщовке встречает? — водитель, поглядывая в зеркало, обращался к сидевшему на переднем сиденье десятилетнему мальчугану, полному и краснощекому — то ли от духоты в салоне, то ли от избытка здоровья.

Мальчик небрежно раскинулся на сиденье, облокотясь на плотно набитый рюкзак, и с упоением слушал плеер через наушники, то и дело в такт гремящему техно толкая бок рюкзака маленьким пухлым кулачком. Он ехал один, без взрослых. В Ясногорске на автовокзале его посадил в автобус старший брат, попросивший водителя довезти мальчика до остановки Борщовка.

— На деревню к дедушке, что ли, едешь-то? На каникулы? — поинтересовался, приглушая радио, водитель.

— К бабуле, — мальчик тоже выключил свой плеер, снял наушники и тут же приклеился к окну. — Ух ты, видали, какой крутой! — он проводил восхищенным взглядом промчавшийся навстречу «Икарусу» черный пыльный «БМВ». — Щас как даст в разгончик сто сорок...

— Значит, бабуля тебя в Боршовке встречает? — спросил водитель.

— Ну!

— Баранки гну, ты как со старшими, шкет, разговариваешь?

— Нормально, а что вы все ко мне пристаёте?

— Как это что? Сейчас остановка через пару минут. Не могу же я тебя одного посреди дороги бросить? До твоей Боршовки от шоссе еще добрых километра два топать.

— А нам не в самую Боршовку, дяденька, — мальчуган потянул за лямки рюкзак. — Нам с бабулей в Татарское надо. Только ведь автобусы туда все равно не ходят.

Водитель только головой покачал: ишь ты какой осведомленный. Дорога пошла под уклон. Внизу в ложине, окруженной со всех сторон холмами, раскинулись поля, разделенные островами хвойного леса. Над ржаным полем, уходящим направо от шоссе широким желтым полотном к самому горизонту, низко кружили черные птицы.

Мальчик, занятый своим рюкзаком и плеером, увидел их в окно автобуса. Но не обратил никакого внимания. Водитель тоже заметил птиц.

— Воронья-то, воронья... Откуда только взялось. Прямо туча... — пробормотал он.

«Икарус» проехал ржаное поле, шоссе штопором ввинтилось в сумрачный, пышущий полуденным жаром и смолистой хвоей бор. И водитель тут же позабыл про кружившую в небе воронью стаю.

— Боршовка. Следующая остановка Глубокое, — объявил он своим немногочисленным пассажирам. Никто, кроме мальчика, в Боршовке не выходил. Пассажиры дремали. Закинув на спину рюкзак, мальчуган бойко выпрыгнул из автобуса. Водитель наблюдал за ним в зеркало, медля закрывать двери автобуса. Что-то словно удерживало его, не позволяя уезжать, оставляя ребенка одного. Маленькая детская фигурка на пустынной дороге...

Водитель вытер со лба капли пота — ну и жара. И это только первый месяц лета. Что же будет в августе? Он снова заглянул в боковое зеркало и увидел теперь рядом с мальчиком пожилую женщину в мешковатом летнем платье из тем-

ного ситца в белый горошек и лиялой панаме. Бабушка и внук обнимались, явно радуясь встрече. Водитель закрыл двери. Все в порядке. Теперь можно ехать дальше.

Он видел их обоих в зеркало. Они шли рядом — пожилая женщина и ребенок, — оживленно разговаривали, смеялись, жестикулировали. Но их голоса заглушал гул мотора. А проселочная дорога к Татарскому уходила от шоссе в поля. Через четверть часа автобус прибыл на конечную остановку в Славянолужское. И больше они никогда не встречались. Водитель «Икаруса» так и не узнал, что мальчика звали Денис, а пожилая женщина была местная учительница Вера Тихоновна Брусникина.

Было ровно час пополудни, а они не прошли до Татарского еще и половины пути.

— Дениска, подожди. Не беги так быстро. Я за тобой не поспеваю... И рюкзак дай-ка мне. — Вера Тихоновна протянула руку, тщетно пытаясь удержать расшалившегося внука подле себя.

— Я сам, он не тяжелый. Ба, зверски пить хочется!

— Терпи до дома. Скоро уже придем. Там обедать будем. Чай пить с вареньем... Я ведь тебя с раннего утра сегодня жду. Крыжовника набрала целое блюдо. Только он зеленый еще. Не поспел. Да ты, помнится, такой как раз больше любишь, кисленький... — Вера Тихоновна от жары и быстрой ходьбы тяжело дышала. — После обеда поспишь, и на речку пойдем купаться.

— Ба, а велик мой цел?

— Цел твой велик, я соседского сынка Генку Бочарова вчера позвала смазать его да шины подкачать. Да не убегай ты от меня далеко, стой!

— Это хлеб так растет, да? — Денис показал на подступавшие к дороге колосья.

— Это рожь. Зреет. Зернышки видишь какие у нее, наливаются. А ты все уже забыл? Помнишь, я тебя учила злаки различать? Овес, гречиху, пшеницу.

— У меня по ботанике во всех четвертях тройбан.

— А тут нечем хвастаться, милый мой.

— А я и не хвастаюсь. — Денис вздохнул. — Просто говорю... Ой, у меня майка совсем взмокла!

— Сильно вспотел? Давай передохнем, постоим, — Вера Тихоновна остановилась, сняла со спины внука рюкзак и поставила его на землю. Огляделась.

Кругом не было ни души. Пыльная лента проселочной дороги петляла в высокой ржи. Вдали темнела полоса Лигушина леса. На фоне желтого поля и бледно-голубого солнечного неба деревья казались темными, словно на густую зелень легла чья-то гигантская тень. За Лигушиным лесом катила свои ленивые теплые воды речка Славянка. Но отсюда, с проселка, ее не было видно. Зато с реки повеяло свежим ветром — по полю, словно по морю, плыли золотистые волны. Сонную полуденную тишину не нарушал ни один звук. Только басовито жужжали мухи — так, словно где-то во ржи собрался их целый рой. Что-то манило их, привлекая все новых и новых...

Солнце слепило Денису глаза. Он приложил руку козырьком ко лбу. Поле было похоже на желтое огромное одеяло. И видимо-невидимо высоких гибких колосьев с колкими усиками и зернами, которые до срока — пальцы заболят — никак не выковырнешь. Вдали среди мерно колышущихся под легким ветром ржаных волн медленно двигалось что-то. Появилось и снова пропало. И вновь возникло. Что-то темное, странно выделяющееся на фоне безмятежного желто-голубого пейзажа.

Денис напряг зрение, стараясь рассмотреть, что же это такое, но солнце било прямо в глаза. А то, что было вдали или, возможно, лишь казалось там, среди волнующихся под ветром колосьев, снова исчезло. А потом опять появилось. И вроде стало приближаться к дороге.

— Бабуля, а что там? Во-он там. — Денис, чувствуя какое-то непривычное смутное беспокойство, обернулся, показывая вдали.

— Где?

— Там, в хлебе... Там что, кто-то прячется?

— Кто там может прятаться? — Вера Тихоновна из-под ладони тоже пристально смотрела на волнующуюся рожь. Но из-за солнца ничего толком разглядеть не удавалось. Да и глаза уже были не те...

— Ты что там видел? — спросила она внука.

— Не знаю. Я... — Денис смотрел на нее. — Ба, ты что?
— Давай-ка рюкзак, дай мне руку, пойдем.
— Но мы же хотели отдохнуть.
— Уже отдохнули. Пойдем скорее. — Вера Тихоновна, крепко взяв внука за руку, быстро зашагала по дороге.

Колосья тихо шуршали под ветром. Солнце пекло. Гудели мухи...

— Идем быстрее, — Вера Тихоновна, часто тревожно оглядываясь через плечо, тащила мальчика за собой. — Сейчас уже ферма будет, а там и до дома рукой подать. И не прятался там никто во ржи, что ты... Это просто тень от столба... никого там не было... Никто нас с тобой не догонит...

Они уходили быстро, и голоса их постепенно стихали. И вот уже совсем стихли за поворотом. Над полем снова повисла душная давящая тишина. Высокая рожь стеной подступала к дороге. И эта желтая стена казалась такой плотной, такой непроницаемой.

А в глубине поля рожь на небольшом пятачке была смята, местами даже вырвана с корнем. Изломанные, изуродованные колосья покрывали темно-бурые пятна, запекшиеся на солнце. На земле была лужа, а возле нее валялось то, что привлекало и мух, и ворон, которые стаей кружили в знойном полуденном небе.

Глава 1

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Год и семь дней спустя

Когда мечты сбываются, это не всегда конец истории, а порой только ее начало. Потому что счастье все так же призрачно и недостижимо. И нет никакого покоя в вашем бедном сердце — одна лишь тревога, лихорадочное ожидание, надежда на чудо, хотя... Какие чудеса могут быть впереди, когда ваше самое заветное, самое жгучее желание уже исполнилось?

Полина Чибисова в свои двадцать лет страстно желала выйти замуж. Сколько раз грезились ей блистательные атрибуты хрустальной мечты — обручальные кольца, белые розы, накрытые свадебные столы, ослепительное платье, купленное в Москве в модном салоне на Тверской, торжественное венчание в церкви после загса. В той самой церкви — заново отреставрированной и расписанной, куда ее отец Михаил Петрович Чибисов в прошлом году пожертвовал колокола. Черный парадный лимузин с белыми сиденьями, примчавшийся прямо из голливудского фильма, и поцелуй под оглушительное «горько!» гостей.

— Горько!

Мечта сбылась. Это кричали ей, Полине. Она была невестой на собственной свадьбе, а рядом с нею был ее жених, а теперь, после загса и венчания, наверное, законный муж Артем Хвощев. Он положил руку на ее плечо, улыбнулся радостно и тревожно одними глазами:

— Ну что? Как, а?

И Полина послушно поднялась. Артем был рядом, совсем близко. Она читала по его лицу — он горд уже тем, что они стоят вот так, на виду у всех, что он обнимает ее и...

— Горько! Горько, ребята, дорогие наши, горько!

Полина закрыла глаза, чувствуя губы Артема на своих губах. Свадебный поцелуй. Соль вашей заветной мечты.

Соль...

— Ты что, Полинка? Ты плачешь, что ли? — Артем не отпускал ее, заглядывая в лицо. — Как ребенок... Или я не так что-то сделал?

— Нет, нет, ничего, это просто... вдруг что-то накатило на меня. Все хорошо, Артем. Все просто отлично. Отпусти, я... зеркальце достану...

— Смутилась? Сму-у-тилась моя дочура, красавица моя зарумянилась, как роза. Тут свадьба твоя, доченька. А мы тебя все любим. Счастья все тебе желаем. Большого, крепкого счастья тебе и Артему...

Полина сквозь гул оживленных голосов гостей слышала голос отца. Отец был уже сильно навеселе. Но Полина знала: и пьяный и трезвый он любит ее больше всего на свете. И так будет всегда. Она села на свое место. Надо же, какими длинными, просто бесконечными бывают, оказывается, эти свадебные торжества. Банкет устроили на открытом воздухе. Столы под парусиновыми тентами по желанию Михаила Петровича накрыли на высоком живописном берегу Славянки. Официантов и поваров отец пригласил из Москвы, из ресторана на Арбате. Дизайнер-декоратор и флорист были тоже из Москвы. Все это стоило немалых денег, но отец и свекор денег на свадьбу не пожалели.

Полина знала, что ее брак с Артемом Хвошевым был давней и тоже заветной мечтой ее отца Михаила Петровича. Артем был единственным сыном старого друга Михаила Петровича Антона Анатольевича Хвошева, которого Полина с самого детства называла не иначе как дядей Тошей.

Самого свекра за свадебным столом не было. Антон Анатольевич Хвошев вот уже четвертый месяц лежал в больнице. Полина и Артем звонили ему в его персональную палату по мобильному телефону прямо из загса. Он поздравил их, пожелал счастья. Но голос его был таким слабым и таким отрешенным, что сердце Полины тревожно сжалось. Он любила дядю Тошу и очень боялась, что он умрет.

Артема она тоже знала с раннего детства. Они дружили. И в пятнадцать-шестнадцать лет Полине казалось, что

Артем — единственный, с кем ей всегда весело и легко, с кем можно и поспорить, и посмеяться, и потрепаться всласть, и посплетничать о том, о сем. И вдруг все изменилось в одночасье.

Полина разглядывала гостей. Возле нее стоял официант, подливал в их с Артемом бокалы шампанское. Полина желала только одного: чтобы этот официант колдовал над их бокалами и тарелками как можно дольше — он загораживал ее от всех, и из-за его накрахмаленного плеча, точно из укрытия, не выдавая себя ни вздохом, ни намеком, можно было неотрывно смотреть на...

Полина почувствовала, как непрошенные предательские слезы снова наворачиваются на глаза. *Он* был так далеко! А ведь должен был сидеть здесь, рядом, на месте Артема. *Он* пил шампанское, шутил, ел, смеялся. Веселился на ее свадьбе, вел себя как ни в чем не бывало и был всего лишь гостем, а не главным виновником торжества.

Рядом с ним сидел его друг и приятель Константин Туманов — как всегда спокойный и невозмутимый. И Галина Островская тоже была — глушила шампанское фужер за фужером, кривлялась, точно ожившая мумия, сыпала парадоксами, стреляла глазами, флиртowała. Полина из-за плеча официанта с болью в сердце следила, как она наклоняется к *нему*, что-то шепчет ему на ухо, призывно залиvisto ржет, запрокидываясь назад, как норовистая лошадь... Как она смеет дотрагиваться до *него*! Старая мымра, алкоголичка...

— Саша, Сашенька дорогой, тебе слово, пожелай что-нибудь молодым!

Полина услышала голос отца и почувствовала, как вся кровь ее прихлынула к щекам и сердцу. Отец громогласно, через весь стол обращался к *нему*. Полина опустила глаза, сосредоточив все свое внимание на пышном букете белых пионов, подобранных столичным флористом с редким вкусом. Пионы испускали тонкий сладкий аромат. Полина смотрела только на цветы. Не на *него*. И не на сидевшего рядом Артема.

— Полина и Артем, поздравляю вас от всего сердца. Желаю вам счастья. Любите друг друга. Будьте друг другу опорой и радостью в жизни. И детей вам желаю много-много, таких же красивых, как вы...

Он говорил это торжественно, с чувством — так всегда ораторствуют на чужих свадьбах, провозглашая тосты и здравницы после коньяка и шампанского. Полина упрямо разглядывала махровые чаши пионов в букете. Протянула руку, коснулась. Так робко и так нежно она однажды коснулась и его лица...

— Горько!

Это крикнул не он. К счастью, не он. Не то, наверное... сердце — так почудилось Полине — лопнуло бы, как воздушный шарик, улетевший слишком высоко под облака. «Горько!» — во всю силу своих молодых тренированных спортом легких крикнул Костя Туманов. У него был красивый низкий мужественный голос. Таким только команды отдавать на поле боя...

Артем поднял ее: Полина почувствовала его нетерпение. И на этот раз послушно ответила мужу на поцелуй. Все равно ведь. И назло.

Со свадебного застолья открывался великолепный вид на реку, заливные луга, дальний лес. Над лесом небо уже розовело вечерним закатом.

— С фейерверком тянуть не будем, а то к ночи вроде дождь обещали с грозой. — Полина точно во сне слышала возбужденный голос отца. — Уважаемые гости, дамы и господа. Товарищи! Друзья! Через несколько минут — сюрприз! Это еще не свадебный торт — торт впереди. И молодые пока еще нас не покидают, ха-ха!

Полина слышала, как отец со смехом объясняет гостям, что свадьба вполне современная, продвинутая, что называется. Брачную ночь молодые проведут одни и в дороге. Как там у Чехова? «В Москву, в Москву!» Ну конечно, куда же еще в такой момент жизни? А там ровно в шесть утра аэропорт Шереметьево, рейс на Малагу, и через какие-то три с небольшим часа — пожалуйста, Средиземное море, полная идиллия на лоне испанского побережья плюс отличный отель, где уже забронирован через надежное тур-агентство номер с видом на лазурную водную гладь.

— Хотел своего шофера с ними послать, так зятек не желает. Самостоятельный попался. — Полина слышала, как отец добродушно подсмеивается над Артемом. — И то верно,

третий в такую ночь — лишний. Это точно. Ничего, сами доедут. Машина у Артема хорошая, хоть и не новая. Оставят на платной стоянке в аэропорту, а кто-нибудь из моих утром приедет, назад перегонит. Верно я рассуждаю, Артем?

— Верно, дядя Миша, — Артем, отвечая тестю, заглянул Полине в глаза, словно спрашивая: так?

— Полинку мою, смотри, береги, парень. Ничего дорожке ее у меня нет и не было. Кроме вас двоих, никого у меня нет, ребята...

Полина почувствовала, как Артем крепко, почти до боли сжал ей руку. Она знала: он сильно волнуется, переживает и ждет. В сущности, в свои двадцать три года он еще мальчишка. Пусть и воображает, порой даже хвастается своими победами среди однокурсниц, а когда доходит до главного — смущается. Целуется неумело и жадно, и так, словно она, Полина, крепкий коктейль, который пьют не через соломинку, а опрокидывают в себя залпом, в один присест.

— Пойдем-ка танцевать, муж, — сказала она Артему. Он засмеялся и поцеловал ее — метил, конечно, в губы, но почему-то попал в ухо.

В вечернее небо с треском и шипением взлетали одна за другой серебристые ракеты, громко взрывались петарды. На лугу играл приглашенный из Москвы оркестр, подвыпившие шумные гости танцевали среди огней праздничной иллюминации. В пестрой толпе танцующих Полина все время искала глазами *его*. Но *он* не танцевал. Сидел за столом с другом Тумановым и Островской. Та, как отметила Полина, была уже почти совсем пьяная: что-то громко декламировала — какие-то стихи, бурно жестикулировала жилистыми загорелыми руками, на которых словно кандалы звякали чеканные металлические браслеты.

А потом Полина увидела, как к *нему* томно и хищно подкралась рыжая Лиз — личный секретарь отца. Улыбнулась, вильнула бедрами, повела точеными хрупкими плечами, демонстрируя декольте, и властно увлекла *его* за собой в толпу танцевать. Она была весела от шампанского и очень изящна и пластична в танце. Глаза ее сияли, манили, обещали все на свете — возможное и невозможное. Она вообще была очень яркой — эта рыжая Лиз. И все мужчины, даже отец, смотре-

ли на нее так, словно она была уже раздета и ждала их в постели.

— Скоро мы поедem? — спросила Полина Артема.

— Ровно в полночь. Как в сказке — с бала на корабль, — он обнимал ее, крепко прижимая к себе, но танцевал скованно. — Я сам жду не дождусь... И мне все не верится даже, честное слово...

— Что не верится? — Полина смотрела в его лицо, стараясь найти в нем хоть черточку от того, другого, бесконечно дорогого и любимого лица.

— Ну, что ты — вот, и ты моя жена, — Артем покачал головой. — Надо же... И это так классно, что через какой-то час-два мы уедem. Отец отлично все устроил с этим туром в Испанию. Ты что опять, Полин, что с тобой?

— Я все время думаю, как он там? Твой отец?

Лицо Артема сразу словно погасло. Когда речь заходила о том проклятом несчастье и нынешней болезни и беспомощности его отца, Антона Анатольевича Хвощева, он замыкался в себе.

— Как только вернемся из Испании, сразу же поедem к нему в больницу, — решительно сказала Полина. — Я бы сегодня поехала, прямо сейчас.

— Нет, нет, я не хочу, — Артем, словно испугался чего-то. — Только не сегодня...

— Артем, ты позволишь пригласить твою жену?

Полина судорожно прижалась к мужу — ноги ее вдруг стали как ватные. Рядом с ними был *он*. *Он* обращался к Артему.

— Александр Андреевич, конечно, — Артем заулыбался, однако улыбка его была немного фальшивой. Он отстранился от Полины. — Спасибо, что пришли к нам сегодня.

Полина выпрямилась. Александр был выше Артема на целую голову. И гораздо шире в плечах, крупнее, сильнее. Он был старше. У нее с ним была разница почти в пятнадцать лет. Однажды он сказал ей, что это очень, очень много — половина сознательной жизни. И почти вся юность. А она тогда не понимала, как он может ей вот так спокойно говорить это. Ведь в свои двадцать лет она днем и ночью страстно, болезненно мечтала о браке именно с ним, с этим человеком.

И формально, во всех мелочах, от обручальных колец до венчания под звон колоколов, мечта ее полностью сбылась. Только вот не он стал ее мужем. Он ее не взял за себя. Не захотел.

— Александр, извините, — Полина собрала все свои силы, всю себя крепко, очень крепко в горсть, в кулак, — но сегодня я танцую только с Артемом.

Она видела, как он шутливо улыбнулся, развел руками — что ж, ничего не попишешь. Артем, гордый до невозможности, приподнял ее, закружил. В небе с треском и шипением распустился новый огненный цветок кустарного китайского фейерверка. И ему нехотя и ворчливо ответил с юга далекий громовой раскат.

— Ночью будет гроза! — объявил кто-то из гостей громко и весело. — Дамы, признайтесь честно, кто купался в речке ночью в грозу? Что, никто не купался? Это ж чистойший кайф, дамы, милые... Ни с каким джакузи и сравнить нельзя. Суперэкстрим!

Как водится, в назначенный час они не уехали. Пока прощались с гостями, выслушивая пожелания, напутствия, игривые советы, пока пили шампанское «на посошок», целовались, обнимались — время приблизилось к половине второго. Наконец сборы-проводы были закончены. Невесту усадили в машину, жених сел за руль и...

— Папочка, мы тебе из аэропорта позвоним! — пылко пообещала Полина отцу.

— Михаил Петрович, не волнуйтесь за нас! — крикнул Артем, нажал на газ, и его юркий внедорожник «Судзуки» сорвался с места — на свободу, в большую, абсолютно взрослую супружескую жизнь.

Вскоре огни иллюминации, столы под тентами, джаз на лужайке остались далеко позади. Ночь окутала дорогу. Здесь не было фонарей, а звезды скрыли затянувшие небо облака.

— Точно, ливень будет, — сказал Артем. — Гроза с юга идет. От наших-то еле отвязались, а? Полиныч, ну что ты все в окно да в окно? Я ведь не там, я здесь... Регистрация у нас на рейс во сколько, с пяти?

— Да, — Полина расправила на коленях складки подвечного платья, думая о том, где удобнее его снять — здесь, на ночной дороге, или в туалете аэропорта?

— Ну! А сейчас только два часа. Доберемся до Москвы тоже за два, остается еще уйма времени.

— Для чего? — спросила Полина.

Артем засмеялся, резко нажал на тормоз, обнял ее, прижав к себе, целуя ее волосы, шею, губы.

— Я до Испании вашей не дотерплю, умру, — шептал он ей на ухо. — Съедем с дороги, а?

Он лихорадочно крутил руль. Старенький «Судзуки», как лягушенция, прыгал по кочкам и колдобинам пыльного проселка — развернулся, рыча мотором, и начал углубляться от шоссе в поля. Полине, оглянувшейся назад, померещилось, что вдалеке тускло сверкнули фары чьей-то машины. Но дорога вильнула вбок, и стена высокой ржи заслонила все, кроме темного небесного купола над головой.

— Я всегда хотел, чтобы у нас с тобой первый раз было вот так, — жарко шептал Артем. — Не где-то на хате съемной, не в гостинице, не дома, а вот так, круто, когда кругом только голый космос, Вселенная и мы вдвоем...

Он дернул рычаг, опуская сиденье. Полина молчала. Это должно было случиться, раз он стал ее мужем. Так не все ли равно, когда это произойдет — сейчас в поле среди ветра, мрака и ржи или в аккуратном номере чужого отеля? Артем опустил стекла — ночь окутала их прохладой и тишиной, словно сотканной из миллиона таинственных шорохов и звуков. Полина слышала стрекот цикад, шелест листвы. Она чувствовала, как ночь и тишина обволакивают их, как нежная крепкая паутина, соединяя, сплетая...

Артем, путаясь в застежках, уже освобождал ее от подвечного платья. Он сбросил пиджак. Расстегнул рывком рубашку, и она сейчас была похожа на белый парус или флаг...

Полина протянула руки и медленно высвободила из-под этого паруса торс мужа. Артем был худощавый, тело его было по-мальчишески угловатым и хрупким. Артем приник губами к ее губам. Полина обняла его и...

— Что это? — она вздрогнула. — Ты слышал? Ты это слышал? — Она напряженно вглядывалась в темноту, окружавшую их машину.

— Здесь никого нет. Все спят, мы одни, — Артем пытался удержать ее. — Это, наверное, ветер или, может, птица... Ты

сама мне говорила, что на старой колокольне гнездятся совы. Мы одни, никого, кроме нас, на свете нет... И я тебя люблю...

Полина почувствовала, что не может более сдерживать его и сдерживаться сама. Зачем сопротивляться, терзаться, жалеть. Она уже вышла замуж, мечта сбылась. Артем ее муж. Так вышло. Наверное, это судьба. Тело Артема оказалось, несмотря на всю его худошавость, тяжелым. Он так старался, так ласкал ее, но глаза Полины не видели ничего, кроме темноты.

И вдруг... Все произошло в какое-то мгновение — раздался оглушительный грохот, скрежет металла и звон разбитого вдребезги лобового стекла, по которому что-то ударило мощно и страшно. Сверкнула молния, и совсем близко, почти над самой головой Полины, ахнул раскат грома. И в его грохоте потонул дикий животный вопль боли. Полина с ужасом поняла, что это кричит Артем, и одновременно почувствовала, как что-то горячее и липкое заливает ей голую грудь и лицо. Артема могучим рывком сорвало с нее и выбросило вон из машины. Он истошно кричал. И вдруг его крик оборвался. Полина сжалась в комок, боясь пошевелиться. Сама мысль о том, чтобы приподняться и посмотреть, что там происходит с Артемом в этой непроницаемой тьме, была нестерпима, невозможна, ужасна. Первые капли дождя гулко забарабанили по крыше машины, заливая через выбитое лобовое стекло салон. Полина не могла даже кричать, звать на помощь — горло ее точно натуго захлестнула петля. А потом она услышала, как к шуму дождя примешиваются какие-то странные звуки — и они приближались. Мрак сгустился, принимая очертания еще более темной, плотной, осязаемой тени. Что-то через выбитое лобовое стекло заглянуло в салон, и Полина, дико вскрикнув от ужаса, потеряла сознание.

Глава 2

СОН

Сильный порыв ветра поднял красные лепестки, закружил, завертел, и в руках у Кати осталась маковая лысая головка. Когда вы обрываете лепестки мака, ваши пальцы становятся липкими от его млечного сока.

А маков кругом видимо-невидимо... То там, то тут среди высоких желтых колосьев мелькнет алое пятно — красное на желтом до самого горизонта.

Катя наклоняется и срывает новый цветок. Она ходит по полю и собирает маки. Она видит себя словно со стороны — так отчетливо, ясно. Видит и свою тень — она движется по земле, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и внезапно соприкасается с чужой тенью.

Катя стремительно оборачивается, и... никого рядом. Только ветер кружит маковые лепестки, превращаясь в маленький тугой смерч. Катя смотрит себе под ноги — вот ее тень. А вот, совсем рядом, чья-то другая. И эта чужая тень, извиваясь, стелясь по земле, медленно подползает и вдруг резким рывком выбрасывает вперед цепкую хищную руку со скрюченными пальцами и...

Сердце Кати вот-вот выскочит из груди. Она бежит, не разбирая дороги, не глядя под ноги, бежит сломя голову из последних сил. Ноги путаются в желтых сухих стеблях, что-то больно бьет по лицу — резкий колючий ветер или тугие колосья. Задыхаясь, Катя останавливается. Кругом царит мертвая тишина. Катя оглядывается: стена желтых спутанных стеблей окружает ее со всех сторон. Ничего не видно, кроме клочка белесого знойного неба над головой. Вдруг тишину нарушает шорох, словно кто-то невидимый, но близкий медленно и упорно прокладывает себе в этих зарослях дорогу, преследуя, не отставая ни на шаг.

Катя видит, как колышутся сухие метелки травы. Что-то движется к ней оттуда, из зарослей. Она пятится, спотыкается, вскрикивает, падает и... просыпается.

В комнате серый утренний сумрак. Подушка съехала, простыня сбилась. А рядом (слава богу!) само воплощение критического материализма — муж Вадим Кравченко, чаще именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.» — полуразбуженный, полусонный.

— Шер ами? Это опять вы? — Он приподнимает с подушки взлохмаченную голову. — А сколько... сколько же сейчас времени?

Катя не отвечает: сон все еще не отпускает ее. Сердце колотится.

— Полседьмого?! Ах да, — Кравченко смотрит на часы, зевает. — Ох, маманя моя, вставать пора, опять на работу... Катя, да что с тобой?

— Сон приснился, — Катя отворачивается, прячась в подушку, как в норку, — мерзкий.

— Про что? — осведомляется Кравченко. — Если про покойников, то уже в руку, к перемене погоды. Ночью такая грозища была. Я в четыре вставал, балкон закрывал, чтобы нас не залило.

— А я не слышала грозы.

— Конечно, не слышала, ты, солнце мое, спала — из пушки не разбудишь.

Катя только вздыхает, прижимается к нему — все-то он выдумывает, драгоценный. Вчера они легли поздно, а уснули еще позже. Вчера было воскресенье. Они провели его за городом, у отца Кравченко на даче. Купались, загорали на пруду. Вечером жарили шашлыки в саду под старыми липами. В саду возвышался древний турник, висел старый гамак и круглилась выпуклая клумба, а на ней заглушенные травой многолетники — «разбитое сердце» и пунцовые турецкие гвоздики. И еще огромные маки, которые выросли сами собой из семян, взявшихся неизвестно откуда. «Драгоценный В.А.» уверял, что это не кто иной, как он закопал весной на клумбе маковую сушку, и вот она бурно взошла и зацвела назло всем указам против наркоты.

Маки могли переключать в кошмар с дачной клумбы. А вот поле... На даче не было полей: только лес да пруд, выплеснутый за выходные купальщиками из своих топких травяных берегов.

Кравченко полежал, повздыхал, поохал, потом, расчувствовавшись, чмокнул Катю в плечо и, наконец, оторвал себя от кровати. Через минуту он уже громыхал в лоджии гантелями и компактной штангой — самым последним своим увлечением в нелегком деле бодибилдинга. Пршшое увлечение — складной силовой тренажер — пылилось в кладовке.

— Где моя майка? — крикнул Вадим с лоджии.

— Там, — ответила Катя, закрывая глаза, чувствуя сон и усталость во всем теле. «Я же так быстро бежала, за мной гнались...»

Она вздрогнула, проснулась во второй раз и села на постели. Все чушь. Дурацкие сны.

— А я, между прочим, есть хочу! — оповестил Вадим. После душа он растирался суровым полотенцем, полируя льном свое сильное тело. — Только твои овсяные хлопья я все равно есть не буду.

«Надо вставать, — подумала Катя. — Сегодня опять понедельник. И уже почти середина лета». Кравченко раздвинул шторы, но в комнате светлее не стало. За окном было серо и пасмурно.

— Удивительно, но я правда не слышала грозы, — сказала Катя за завтраком.

— А по-моему, ничего удивительного в этом нет, — Кравченко самодовольно усмехнулся.

Катя погрозила ему пальцем — но-но! Без этого. Вчера и так легли поздно. После купания, шашлыков и бутылки «Твиши» у драгоценного буйно разыграл темперамент. Ночью было все очень хорошо. Можно было даже сказать, что Катя заснула вполне счастливой. Так отчего же под утро ей приснился этот странный кошмар?

— Ну? И чем сегодня займешься? Снова спасением мира от глобальной катастрофы? — спросил Кравченко, принимая из заботливых рук жены уже пятый бутерброд.

— У нас брифинг сегодня в одиннадцать по итогам. — Катя чувствовала, что уже твердо стоит обеими ногами в повседневной реальности. — А ты подбросишь меня до Никитского?

— До Тверской, — уточнил Кравченко, залпом допивая кофе. — А там ножками, ножками, мой зайчик. На каблучках.

Если вы работаете в милиции, но не являетесь при этом ни следователем, ни опером, ни участковым, значит, ваше место в пресс-службе. А пресс-служба весьма занятное явление в органах внутренних дел как по своему содержанию, так и по форме. В этом искренне была убеждена Катя — капитан милиции Петровская, в замужестве Кравченко (фамилия двойная, пишется через дефис на манер старинных дореволюционных Барыгиных-Амурских и Ордынских-Свиньиных) — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области.

Но и форма, и содержание, и весь привычный уклад жизни пресс-службы катастрофически рушился в периоды проведения таких нервных мероприятий, как брифинги для средств массовой информации, посвященные итогам работы милиции за подотчетный период. Всякий раз на памяти Кати к каждому брифингу она и ее коллеги готовились так, как готовятся в Большом театре к очередной премьере. С самого раннего утра в здание ГУВД в Никитском переулке тек нескончаемый ручей журналистов центральных и областных изданий, телевидения и радио. Журналисты были любопытны, как дети, и недоверчивы, как судьи Конституционного суда. Они страстно жаждали сенсаций и эксклюзива, каких-то фантастических материалов, разоблачений и жареных фактов.

Но что было лукавить? Катя и сама порой страстно добивалась того же самого. Вот и на этот раз брифинг в стенах родного главка интересовал ее с чисто практической точки зрения. Ведь порой достаточно еле заметного намека от соратников по нелегкому делу борьбы с криминальным злом, чтобы осознать, что редкое, необычное, загадочное происшествие уже стучится в вашу дверь, ожидая немедленного расследования и будущей убойной публикации на страницах «Криминального вестника Подмосковья».

Еще сутки назад Катя собиралась на брифинг с легким сердцем. Но сегодня с утра настроение было какое-то неважное. Кате вообще редко снились кошмары, но этот сегодняшний все время напоминал о себе тупой болью в висках. Чтобы как-то отвлечься, Катя начала внимательно изучать пресс-релиз брифинга, тот самый, до боли знакомый, что еще вчера сочинялся всем талантливым коллективом пресс-службы в творческих муках, то и дело озаряемых яркими вспышками поэтического вдохновения.

Среди участников брифинга в длинном, как список козлаблей в «Илиаде», перечне фамилий Катя узрела и фамилию начальника отдела убийств Никиты Колосова.

Колосова Катя давно не видела. Все последнее время он был занят делом банды Шворина, совершившей в Подмосковье, Москве, Питере, Харькове и Запорожье больше десятка заказных убийств. Дело было многоэпизодным и межрегиональным. Колосов то и дело мотался то в Питер, то на Ук-

раину, несчастных жертв банды то и дело эксгумировали, потому что всплывали все новые и новые эпизоды и новые трупы. Бандит Шворин то и дело вскрывал себе вены в стенах тюрьмы и уже дважды покушался на побег, нападая с яростью затравленного животного то на конвоиров, то на следователя прокуратуры во время допроса. В результате Колосов вынужден был каждый раз присутствовать на беседах с ним лично. И Катя знала по слухам, доходившим из розыска, что он почти прописался в стенах «Матросской тишины», где и содержали бандита.

То, что в такой напряженной обстановке начальник отдела убийств выкроил полчаса для брифинга, было делом просто небывалым. Но Катя такому чуду и не верила. Ведь в пресс-релиз можно внести фамилии кого угодно — хоть министра, хоть папы римского. И это еще не значит, что пропечатанная на бумаге фамилия материализуется в нужного вам человека.

И Катя не ошиблась в своем мудром скепсисе. Брифинг начался и закончился, а начальник отдела убийств на нем так и не появился. Чего и следовало, конечно, ожидать. Однако...

Все вышло совсем не так.

Они встретились на лестнице, когда Катя уже выходила из зала после окончания брифинга. Царила обычная суета: журналисты толпились в дверях, карауля для интервью начальников криминальных служб. Телевизионщики гасили софиты, складывали громоздкие треноги, убирали камеры в чехлы.

Катя увидела Колосова: он стоял на лестнице напротив дверей, оглядывался, напряженно кого-то выискивая среди журналистов. Катя сразу почувствовала острый укол профессиональной ревности. Кого это он так нетерпеливо ждет с таким озабоченным, угрюмым и решительным видом? Неужели какого-нибудь писаку из центральной газеты? А может, у него запланировано телеинтервью для вездесущего «Розыска»?

— Катя, подожди, не уходи! Привет, я тебя все пропустить боялся в этом столпотворении. Можно тебя на пару минут? Есть разговор.

Ревность отхлынула, уступив место крайне завышенной

самооценке — оказывается, Никита ждал ее. Катя готова была расцеловать его на глазах у всех — умничка, гениальный сыщик! Ну, сейчас мы из первых рук получим самую свежую информацию о сенсационных подробностях дела банды Шворина.

— Ой, Никита, привет, — расцвела Катя лъстивой нежной улыбкой. — Рада тебя видеть, только вот брифинг-то уже кончился.

— Да, я опоздал. Специально из прокуратуры сегодня на час вырвался... Мне надо с тобой поговорить, — Колосов посмотрел на часы. — Ты сегодняшнюю сводку видела?

— Еще нет, — Катя придала лицу своему самое равнодушное выражение. — А что там такое?

— Убийство в Славянолужском районе.

— Это который самый дальний у нас?

— Да, который дальний. Я туда сам ночью не выезжал и вырваться в эти дни вряд ли сумею. — Колосов хмурился и явно что-то недоговаривал.

— А что там произошло? — спросила Катя.

— Там была свадьба, и потом на молодых было совершенно нападение.

— Пьяная драка, что ли?

— Нет, — Колосов как-то странно смотрел на Катю. — Не пьяная драка... Убийство. Убили жениха, Хвощев его фамилия. А невеста, девчонка молодая, осталась, к счастью, жива.

— А что ты от меня хочешь? — прямо спросила Катя.

— Я хочу, чтобы ты завтра съездила в Славянолужье, потому что сам я туда ни завтра, ни послезавтра, ни на этой неделе выехать никак не смогу, — твердо сказал Никита. — Для этого я и мчался сегодня сюда, зная, что обязательно застану тебя на этой вашей говорильне.

— На брифинге? — уточнила Катя.

— Да. Ну, так что? Договорились?

— Это Славянолужье почти на границе с Тулой? — спросила робко Катя.

— Да, далековато. Почти сто семьдесят километров. К тому же убийство произошло не в самом райцентре. Тебя, если поедешь, там участковый Трубников Николай Христович встретит. Я с ним по телефону обо всем договорился.

— Уже договорился? — Катя даже растерялась: отступить, кажется, некуда. — А почему с участковым, а не с начальником милиции?

— А там все новые какие-то, — Колосов поморщился, — месяц как на должность назначены. В обстановку еще не вникли. А мне разжевывать некогда. Христофорыч — мужик надежный и оперативник опытный. Он тебе поможет.

— А что там все-таки случилось? — встревожилась Катя: раз он так настойчиво отправляет ее в какую-то Тмутаракань, значит, для него это очень важно.

— Я повторяю: сам я туда пока выехать никак не могу, факты знаю только понаслышке, проверить сам все тоже не имею возможности. Хочу услышать твое мнение о том, что ты там увидишь и услышишь.

Катя молчала.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я поеду туда завтра. Во сколько твой участковый будет меня ждать?

— Ты на своей машине поедешь?

Катя тяжело вздохнула: ох, мы такие великие ездоки на машинах... Еле-еле на права сдали, еле рулим.

— Выезжай как можно раньше, часов в шесть из Москвы, не то в пробку попадешь. За Домодедовом дорога уже свободная. Доедешь до указателя «деревня Журавка», там автозаправка. Трубников будет там тебя ждать с девяти часов. С начальством твоим о командировке я договорюсь сегодня же.

Катя внимала ему без особого энтузиазма. Колосов покомандирски рубил фразы. Для него этот вопрос был уже решенным. Но ведь и у нее, криминального обозревателя пресскантра, должен быть во всей этой поездке свой собственный интерес.

— Дело-то хоть стоящее? — осторожно спросила Катя.

— Не знаю... Смотря что ты под этим подразумеваешь. Лично мне кажется, если все действительно так, то... Мы давно уже не сталкивались с чем-то подобным.

Катя тревожно посмотрела на Колосова. Если он так говорит, сам по горло занятый целой бандой убийц, то...

Что же ждать ей от этого далекого Славянолужья?

— Я еду, Никита, — сказала она, — ты меня уговорил.

Глава 3

ДЕЖА-ВЮ

О том, как она в самый первый раз ехала в Славянолужье, Катя вспоминала потом не раз. Последующие события — темные и трагические — затмили собой многое. Однако дорога туда оставалась особой сагой.

Катя получила права полгода назад. «Драгоценный В.А.» свою машину ей категорически не доверил. На узком семейном совете было решено взять напрокат у закадычного друга детства Сергея Мещерского его старую машину, которую он держал на даче у тетки. Машина была красной «семеркой». К счастью, в автошколе, где училась Катя, ездили тоже на «классике», и никакой иной модели Катя в результате пока освоить не могла. Езда по городу давалась ей из рук вон плохо. А за рулем главное условие было в том, чтобы в салоне все было точь-в-точь как и в учебной тарактелке. Всякое новшество пугало и сбивало Катю с толку. Спидометр воспринимался тахометром, а показатель уровня давления масла вообще чем-то совершенно незнакомым. Катю успокаивало только одно: и ее инструктор по вождению, и «драгоценный В.А.», и друг детства Сергей Мещерский хором заверяли, что начинать ездить самостоятельно надо именно на той машине, на которой вы и учились.

До Славянолужья предстояло ехать страшно сказать сколько — сто семьдесят километров. Соглашаясь на столь дальнюю поездку, Катя в душе робко надеялась, что дома, когда она за ужином скажет о командировке, Кравченко совершит рыцарский поступок. Объявит: «Любимая, я не позволю тебе рисковать собой на опасной дороге. Я брошу все, любимая, — службу безопасности, своего работодателя, точное дежурство и поеду с тобой на край света. Точнее, сам сяду за руль и повезу тебя».

Но ничего подобного не случилось. Кравченко только саркастически хмыкнул: ну ты и даешь, дорогуша! А потом деловито заметил, что сто семьдесят при средней скорости семьдесят в час — это два с половиной часа плюс езда по Москве, значит, все три с половиной. И для водителя-чайника,

а тем более чайника по имени Катя, это жесткая тренировка. «Если скатаешь туда и обратно — значит, будешь водить, — заключил он философски. — Значит, не зря всю зиму мне голову со своей автошколой морочила».

Из всего сказанного Катя с тоской поняла, что «туда и обратно», то есть все триста сорок километров(!), Вадим предлагает ей проехать за один день. Идея показалась ей столь чудовищной по своей нелепости, как и девятый подвиг Геракла. Однако, поразмыслив, Катя с тревогой поняла, что... из Славянолужья-то все равно придется как-то возвращаться. Не ночевать же там где-то в стогу сена на границе между Серебряными Прудами и Тульской областью.

Ночь Катя провела в тревожном ожидании дороги. Кравченко, на этот раз игравший роль будильника, поднял ее ровно в шесть. Машина подозрительно быстро завелась, и Катя сначала на первой скорости, а затем на второй выехала из родного сонного двора и покатила по Фрунзенской набережной на восток, навстречу лучам восходящего солнца.

Солнце, правда, моментально скрылось за тучу. День снова обещал быть пасмурным. В шесть часов улицы Москвы были хоть и не пусты, но все же свободны. Катя ехала, судорожно вцепившись в руль и смотря на дорогу строго перед собой. Какие уж там зеркала — боковые и заднего вида! Пару раз она глохла на перекрестках у светофоров и впадала в страшную панику. К счастью, время было раннее и никто сзади ей истерически не сигнализировал.

На подъезде к МКАД во встречном направлении уже двигался нескончаемый поток машин. Утром все ехали только в Москву. И Катя порадовалась, что ее осенила гениальная мысль ехать утром из Москвы.

А потом началось Подмосковье. Замелькали деревни, дачные поселки, коттеджи, поля, леса и перелески, речки, пруды. Обычно дорогой Катя любила смотреть в окно, успевая заметить все на свете. Но теперь, цепко держа руль в своих слегка окостеневших от напряжения руках, она не видела ничего — ни слева, ни справа. Взгляд ее был прикован к габаритным огням впереди идущей машины. А иногда, когда «семерку» обгоняли, ревя мощными моторами, грузовые фуры или «Икарусы», Кате вообще хотелось закрыть глаза,

чтобы не видеть этих грохочущих монстров, тяжело утюживших ленту шоссе.

Говорят, глаза страшатся, а руки делают. Долго ли, коротко ли, но восемьдесят километров Катя проехала. Остановилась на обочине. Передохнула. Часы показывали четверть восьмого. Мимо проносились машины. Их вели сплошь мужчины. Катя, провожая машины взглядом, чувствовала себя чужой на этом празднике жизни и остро завидовала. Увы, сейчас ей было ясно как день: есть в мире две разные стихии — женская и мужская. Дорога была изначально стихией мужской. Противоположный пол царствовал здесь с незапамятных времен странствующего рыцарства и караванных путей из варяг в греки. То, что вместо коней сейчас были машины, не имело значения. Машины были только средством. А дух был прежним, древним. И дух этот был исполнен соперничества, задора, риска и скорости. Катя чувствовала, что те, кто вдыхал пыльный воздух дорог полной грудью, лишь терпят ее здесь, снисходительно позволяя ползти по крайнему убогому ряду среди тихоходов и дохлых «чайников» с наклейками «у» на заднем стекле.

Верно говорят — всяк сверчок знай свой шесток... Чтобы как-то взбодриться, Катя подумала, что в Шумахеры она все равно не пошла бы, хоть ей миллион золотом плати. Снова завела машину, тихонько тронулась с места и поехала. И опять замелькали деревеньки, дачи, овраги, перелески, подмосковные городки и поля. За Ступином машин стало мало, а шоссе напоминало взлетную полосу. И Катя даже чуть-чуть расхрабрилась и прибавила газа, воображая себя, как в детстве, реактивным истребителем. На сто первом километре пути она вдруг успокоилась. От сердца словно что-то отлегло. Можно даже, оказывается, ослабить мертвую хватку руля, и ничего не случится страшного... руль никуда не денется. Не оторвется. Катю теперь страшно удивляло и радовало все: что машина чутко слушается руля, что мотор мерно урчит, все кнопки-переключатели работают. И что вообще ехать вот так, без напряжения, по свободной дороге среди полей и лесов... почти приятно. А потом произошло настоящее чудо: Катя оторвала наконец от руля правую руку, дотянулась до магнитолы и включила музыку. Приемник был настроен на радио «Орфей»,

и в салон ворвались скрипки Вивальди — «Лето» из «Времен года». Подстегиваемая музыкой, Катя прибавила газу.

Ух ты! Восемьдесят в час — кому рассказать, не поверят никогда!

Мимо, легко обгоня маленькую «семерку», пронесся черный «Мерседес», мигнул насмешливо фарами и... Через минуту солнце блеснуло на его заднем стекле далеко впереди.

В половине десятого Катя увидела справа на обочине синий указатель: «д. Журавка». Деревня вытянулась вдоль шоссе. За околицей, конечно же, имелся традиционный пруд, в котором плескались утки, за ним виднелась новенькая автозаправка, похожая на игрушечный пластиковый конструктор. Катя подъехала к заправке, остановилась, высматривая в окно участкового Трубникова. И почти сразу же увидела его: к ее машине неторопливо направлялся длинный и худой, как дядя Степа, милиционер. На вид ему было за сорок. Мундир его был не нов, но тщательно подогнан по фигуре и аккуратно отутюжен. Лицо милиционера было коричневым от загара, а длинные ноги в сапогах (деревенская особенность) смахивали на циркуль. Милиционер степенно приблизился, нагнулся к машине точно шлагбаум, приложил руку к козырьку фуражки:

— Здравия желаю! Издали вашу машину по номеру узнал. Майор Трубников Николай Христофорович, здешний участковый уполномоченный.

— Екатерина Сергеевна, — чинно представилась Катя, пожимая его руку — ладонь Трубникова была мозолистой и жесткой, как подметка.

Катя хотела было вылезти из машины, но... внезапно почувствовала, что не может не только двигаться, но даже распрямиться... тело затекло, спина болела.

Трубников пристально разглядывал ее. Причем, как показалось Кате, с явным недоверием.

— Вы из какой же такой службы будете? — спросил он, кашлянув.

— Из пресс-центра главка. Разве Колосов, начальник отдела убийств, вам этого не сказал?

— Сказать-то он сказал... Мол, приедет специалист по